

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ

РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI ORCID SCOPUS COPYRIGHT

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**14 ноября
2017 г.**

**Научный вклад культуры
и искусства в развитие
современного общества**

**Санкт-
Петербург**

УДК 7+008

ББК 85+71

Н 347

Главный редактор: Плесканюк Т.Н.
Технический редактор: Жаворонкова А.Д.

Научный вклад культуры и искусства в развитие современного общества: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 14 ноября 2017. –г. Санкт-Петербург: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. –55 с.

В сборнике научных статей рассматриваются современные вопросы науки, образования и практики применения результатов научных исследований по материалам I Международной научно-практической конференции «Научный вклад культуры и искусства в развитие современного общества» (14 ноября 2017 г.).

Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, научных и педагогических работников, докторантов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 1844-08/2016К от 15.08.2016.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте научно-издательского центра «Открытое знание» <http://www.scipress.ru>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 7+008

ББК 85+71

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2017

© Коллектив авторов, 2017

© Редактор Плесканюк Т.Н., 2017

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Научно-издательский центр «Открытое знание», г. Нижний Новгород

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры Иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет), г.Н.Новгород

Члены организационного комитета:

Бёртон Барбара – доктор наук, Директор международного отдела Колледжа центрального Иллинойса, г. Ист-Пеория, Иллинойс, США

Бойцова Инта Валентиновна – кандидат педагогических наук, магистр МБА, преподаватель кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г.Н.Новгород

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела Казахской головной архитектурно-строительной академии, г. Алматы, Казахстан

Кондрашкина Антонина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, г.Н.Новгород

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г.Н.Новгород

Регнер Сесиль – Вице-президент Общественного колледжа Роксбери, Массачусетс, США

Рогова Галина Ивановна – кандидат социологических наук, начальник отдела договорно-правовой работы факультета «Высшая школа государственного управления» Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), г. Н.Новгород

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им Н.А. Добролюбова, г.Н.Новгород

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г.Н.Новгород

Фирсова Анна Михайловна – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры словесности и культурологии ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», лауреат премии правительства Российской Федерации в области образования, г.Н.Новгород

ОГЛАВЛЕНИЕ

Баранова О.С., Кочнева А.С. Современный брендинг территории: адаптивность в поиске идентичности бренда	5
Мишучков А.А., Шарипов А.А. Положение начальных мусульманских школ (мектебе) в Оренбургской губернии в начале XX века	15
Петрова Л.Е., Фитьмов Е.А. Художественные ремёсла как связующий компонент культуры на Северном Кавказе	30
Пумпянская О.В. Влияние Октябрьской революции 1917 года на современную российскую культуру	35
Шарипов А.А., Мишучков А.А. Оренбургская татарская учительская школа как важный фактор становления педагогической системы мусульманского образования в Оренбуржье	41

УДК 74

Баранова О.С., Кочнева А.С. Современный брендинг территории: адаптивность в поиске идентичности бренда**Баранова Ольга Сергеевна**магистрант кафедры графического дизайна
Уральский государственный архитектурно-художественный университет
РФ, г. Екатеринбург**Кочнева Анна Сергеевна**аспирант кафедры графического дизайна
Уральский государственный архитектурно-художественный университет
РФ, г. Екатеринбург**Modern branding of territory: adaptability in the search for brand identity****Baranova Olga Sergeevna**master student of Graphic design department
Ural State University of Architecture and Arts
Russia, Ekaterinburg**Kochneva Anna Sergeevna**postgraduate student of Graphic design department
Ural State University of Architecture and Arts
Russia, Ekaterinburg

Аннотация. Исследование направлено на описание адаптивности как методологического принципа поиска идентичности территориального бренда, соответствующего современному представлению о процессуальном характере идентичности.

Ключевые слова: территориальный брендинг, адаптивность, целевая аудитория, имиджевая стратегия, самоорганизация бренда, бренд-коммуникация, идентичность.

Abstract. The study is aimed at describing adaptability as a methodological principle of seeking the identity of the territorial brand, which corresponds to the modern concept of the procedural nature of identity.

Keywords: territorial branding, adaptability, target audience, image strategy, brand self-organization, brand-communication, identity.

Сегодня, в условиях усиления в социокультурном пространстве тенденций нелинейной динамики идентичность перестала быть устойчивой [3, с. 52]. Это, в свою очередь, сильно усложняет процесс брендинга территории, так как определение идентичности территории – одна из главных задач самого

брендинга. Однако к территориальному брендингу как процессу проектирования широко распространён достаточно унифицированный подход, не учитывающий процессуальность идентичности.

Целью статьи является определение наиболее эффективного пути поиска идентичности территории. Отсюда *задачи*: определить специфику современного территориального брендинга и, как следствие, самого бренда с точки зрения смысловой динамики (т.к. территория – фактически и семиотически – изменяющаяся во времени система), охарактеризовать источник этой динамики – целевую аудиторию – и рассмотреть адаптивный поиск, ориентирующийся на разные целевые аудитории, как основной принцип адаптивного территориального брендинга, что, в свою очередь, подводит нас к вопросу о многозначности бренда.

Гипотеза исследования состоит в том, что, на наш взгляд, необходимо создавать адаптивный бренд территории, смыслы которого будут органично меняться в связи с развитием территории и изменением её имиджевых стратегий. В исследовании будут использоваться *методы* функционального, сравнительного анализа, системно-структурный метод, метод моделирования.

Отметим, что адаптивность в дизайне есть перестройка внутреннего содержания под внешнее. В данном случае, нам интересна адаптивность смыслов территорий, где внешним является инфраструктура, социальное и экономическое развитие территории на данный момент, а внутренним – образы и знаки, транслируемые в культурное, общественное пространство посредством бренда, создающего определённое коммуникативное пространство. Пересечение этих пространств и позволяет осуществлять адаптивный поиск идентичности бренда как поиск внешних смыслов для подстройки.

Ориентация на разные целевые аудитории как основной принцип адаптивного поиска идентичности бренда территорий.

Целевые аудитории и определяемые ими стратегии – это основа формирования бренда территории. При разработке стратегии прогнозируется состояние и состав целевой аудитории и, в зависимости от этого, – пути

развития и трансформации смыслов, которые и воплощает территориальный брендинг.

Мы говорим о целевых аудиториях, потому что наиболее сложный аспект создания бренда территории – налаживание надежной, последовательной и понятной *схемы коммуникации* с ними; причём в той же степени, в какой в стратегии выделяются несколько целей развития, и какая-то из-них является основной, фундаментальной в данный период, так и целевых аудиторий может быть несколько, просто какая-то является *приоритетной в данный момент* времени.

Технологии брендинга должны быть направлены на выявление как можно большего числа целевых аудиторий, каждая из которых может проявить себя в определенных обстоятельствах, иногда весьма неожиданно [1, с. 14]. Однако бренды территорий рискуют стать всем и ничем, расплыться, оказаться бессмысленными, если пытается угодить всем в равной степени. Территории, которые стараются воплотить всё свое многообразие в одном бренде, зачастую проигрывают.

Иными словами, нельзя разрабатывать и реализовывать кампании бренд-коммуникаций, не решив вначале приоритетность сталкивающихся между собой *интересов целевых аудиторий* [2, с. 25]. В то же время, воплощая в брендинге смыслы для приоритетной целевой аудитории, мы не можем полностью отбрасывать интересы других, потому что территория развивается и приоритетность смыслов может со временем меняться, и тогда для перестройки бренд-коммуникации понадобится вывести на первый план значимость других смыслов.

Для наглядности изменения смыслов примером разнообразия территорий возьмём *размерную градацию* городов. Естественно, что для каждого города приоритетными и второстепенными окажутся разные группы аудиторий. Прежде всего, это будет зависеть от *уровня развития* определенных территориальных инфраструктур, которые способны заинтересовать целевые аудитории. В то же время, нужно учитывать тот факт, что ситуации в городах

могут меняться. Города могут как развиваться, так и претерпевать негативные изменения. Соответственно, и целевая аудитория, на которую ориентирована стратегия бренда должна меняться.

В связи с чем появляется необходимость в создании такой концепции бренда, которая была бы *понятна сегодняшним* приоритетным целевым аудиториям *и тем, что могут появиться* в случае изменения ситуации в городе. То есть в данной ситуации необходим адаптивный поиск идентичности бренда, учитывающий возможность приоритета разных целевых аудиторий.

Современное проектирование бренда в контексте адаптивного брендинга – проектирование многозначности.

В чём заключается адаптивность территориального бренда? Дизайнер сам до конца никогда не закладывает смыслы. Он *задаёт поле*, в котором у целевой аудитории появляется возможность увидеть тот или иной близкий ей смысл. То есть дизайнер, конечно, этот смысл подразумевает, думает о нём, но никогда не говорит однозначно и никогда не «ставит точку». Он *задаёт ту степень абстрактности*, которая способна передать как те или иные определённые смыслы, так и в перспективе породить новые, то есть подстроиться под новую целевую аудиторию, новую имиджевую стратегию.

Степень абстрактности – это *упорядоченный хаос значений*, то есть *многозначность* символа, который сегодня трактуется так, а завтра может иначе. В случае с территориальным брендингом, дизайнер должен закладывать такую многозначность, которая включает в себя *поле значений для любой размерности города и направленности стратегии*, просто сегодня может быть отражена в сознании целевой аудитории информативность малого города, а лет через пятьдесят это может быть та же информативность, но трактуемая с ракурса мегаполиса, так как город вырос. Изменения бренда выражаются через разную образность, стилистику, трендовую в современных реалиях.

Временная фиксация текущего культурно-социально-экономического состояния территории (рассматриваемого в момент проектирования), её инфраструктуры, реализуется через *акцентуацию той или иной грани*

информативности, соответствующей размеру территории (вычленение из хаоса), и отражение её в образе бренда. Таким образом, мы видим, что образ более подвижен, изменчив, а информативность остаётся, но трактуется по-разному в разные периоды.

Изменчивость социально-экономического и культурного состояния свойственна всем городам без исключения (крупным, средним, малым), поэтому адаптивность должна учитываться при проектировании бренда города всегда, вне зависимости от его уровня развития.

Так, например, в крупных городах из-за ряда определенных причин, ситуация может ухудшаться (хотя они могут и разрастаться, но смыслы в таком случае останутся в целом те же), в средних она может меняться как в лучшую, так и в худшую сторону, а малые города, например, могут стремительно развиваться. И каждое подобное изменение подразумевает смену приоритетной аудитории, на которую нацелен бренд города.

Дифференциация целевых аудиторий территории и смена целевой приоритетности как условие изменений бренда – поиск идентичности как фиксация смыслов.

Крупные города – целевая аудитория: приезжие – фиксация смысла культурно-экономического расширения территории, удержания позиций.

Крупные города имеют два пути в плане развития – или *поддерживать постоянный поток* трудовой силы, экономического и культурного состояния, расширяться и *развиваться* дальше, либо, если позиции удержать не получается (экономический кризис, политическая ситуация и т.п.), уйти в *упадок*. Например, некогда один из крупнейших американских городов – Детройт – сегодня находится в чрезвычайном финансовом положении.

Дело в том, что Детройт всегда зависел от преуспевания лишь одной отрасли промышленности – автомобильной. Все силы были направлены на привлечение только одной целевой аудитории – инвесторов. И когда в 1973 году разразился нефтяной кризис, город не справился с этой ситуацией, что в итоге привело к массовому оттоку населения, разрушению и полному

банкротству города. Отчасти это произошло из-за того, что развитие города происходило только лишь в одном направлении, хотя были возможности развивать и другие, которые, возможно, смогли бы помочь пережить городу кризис и остаться на плаву.

Если говорить в целом о крупных городах, то об их инвестиционной привлекательности итак все знают. Субъекты инвестиционной и предпринимательской деятельности всегда стремятся обустроиться в крупных городах, поэтому выделять их в качестве основной целевой аудитории нет необходимости.

Приоритетной целевой аудиторией для крупных городов могут быть *туристы*. Развитая туристическая инфраструктура – это «страховка» города, на случай кризиса основополагающих инфраструктур города. Кстати говоря, сегодня Детройт начал развивать это направление, т.к. стал привлекательным для туристов как город, который «умер».

Жители города не менее важная целевая аудитория. Несмотря на то, что в мегаполисах город переполнен людьми и борьбы за жителей нет, их интересы при брендинге города тоже необходимо учитывать. Как мы видели, на примере Детройта, экономический кризис или любой другой оказывает свое влияние на население. По статистике, численность населения Детройта сократилась с 1 миллиона 800 тысяч до 700 тысяч человек. Чтобы подобного не происходило, нужно ориентировать стратегию развития города в том числе и на его жителей, улучшать их условия жизни, увеличивать их лояльность к городу. С этой целью в Детройте сегодня начали создавать сады в центре города, где каждый может выращивать овощи и фрукты.

На примере Детройта мы видим, что даже крупные и богатые города не застрахованы от кризиса и упадка. Вполне возможно, что отрасли, которые сегодня не значительны для города, завтра станут единственными, способными к функционированию. В связи с чем важно, чтобы стратегия брендинга учитывала не только сильные, но и слабые стороны города.

Средние города – целевая аудитория: инвесторы – фиксация смысла

развития экономики.

У средних городов есть две возможных траектории развития: *процветание* и *упадок* (как в случае с Детройтом).

Пример города среднего размера – Нижний Тагил, где сейчас реально происходит смена акцентов и специфики территории. Роль Тагила в историческом контексте условно можно поделить на два ярких момента: времена демидовских заводов, когда всё только начиналось, мастера ковали сталь и чугун для Петра, производился экспорт в Европу, и второй этап – ВОВ, когда Тагил производил танки на УВЗ, боеприпасы и «ковал победу». Сейчас же Тагил перестаёт быть типично заводским городом, развиваются другие отрасли, он становится более современным, даже пригодным для местного туризма (красивая набережная, парк отдыха, центр города облагорожен, много санаториев и даже гора для горнолыжного спорта) и сейчас акцент на "рекламе" Тагила: город для жизни с богатой историей. В советской визуальной подаче Тагила даже на гербе сталь, заводы, горнила, а сейчас – Лисья гора, местная природная достопримечательность, то есть акцент с заводов (целевая аудитория – инвесторы) сместился на культуру и историю (целевая аудитория – жители и приезжие, потенциальные жители). То есть сейчас он в стадии, когда из среднего превращается в малый, в связи с этим и поменялась концепция позиционирования, т.к. скорей всего основная причина оттока населения – ужасная экология из-за большого количества заводов. И отсюда основная задача Нижнего Тагила сегодня – вернуть и удержать жителей, поэтому основные силы направлены на улучшение качества жизни.

Вообще, основной целью так называемых средних городов является дальнейшее развитие во всех направлениях, поддержание «старых» и развитие новых инфраструктур, улучшение территории в целом. Средние города, как правило, стремятся «дорастить» до уровня крупных городов. Для этого необходимо достаточно большое финансирование, именно поэтому в средних городах в качестве первостепенной целевой аудитории следует выделять *субъекты инвестиционной и предпринимательской деятельности.*

Второй по значимости целевой аудиторией будут *жители города*. Их удовлетворенность городом, а, соответственно, и восприятие брендинга играет немалую роль, в том числе и в привлечении субъектов инвестиционной и предпринимательской деятельности в город. Низкий уровень удовлетворенности жителей негативно воспринимается коммерческими предприятиями – потенциальными мигрантами, поскольку они сравнивают благосостояние и удовлетворенность людей в разных городах-конкурентах. Принимая решение о перемещении предприятия или инвестировании, помимо традиционных показателей оценивают и качество жизни и удовлетворенность населения ситуацией в городе. Целевая же аудитория «посетители города» выделяется как потенциальная, так как развитие города может способствовать привлечению туристов.

Малые города – целевая аудитория: жители – фиксация смысла сохранения жителей и привлечения новых.

Малые города обычно испытывают дефицит жителей. Из малых провинциальных городов люди стараются перебраться в более крупные, развитые, поэтому для малых городов основная цель – сохранить, удержать нынешних жителей и привлечь потенциальных. Соответственно, приоритетной целевой аудиторией здесь будут *жители города*.

Для людей как для жителей города важны возможности, которые предоставляет город. К этим возможностям относятся работа, образование, жильё, социальная мобильность, транспортная система и др. Для улучшения, развития этих возможностей необходимо финансирование, поэтому *субъекты инвестиционной и предпринимательской деятельности* становятся второй по значимости целевой аудиторией.

Рассматривать туристов в качестве целевой аудитории для малых городов иногда нецелесообразно, так как предложения такого типа города для туристов часто оказываются неконкурентоспособными в сравнении с более крупными городами. Бывают исключения, когда город, например, находится вблизи мегаполиса (т.е. пригород) и обладает чем-то очень уникальным.

На примере малого города достаточно просто смоделировать *коммуникативную ситуацию брендинга*, стратегия его развития продумана в сторону роста (обычно стратегии всегда предполагают рост, но не могут себе позволить падение экономики и адаптацию под эти условия).

Например, проектируя бренд города Заречного Свердловской области, учитывая, что на данный момент это молодой (с 1955 г.) моногород с градообразующим предприятием – атомной электростанцией, мы фиксируем своё внимание на узких смыслах, подразумевая в перспективе идентичности смыслы более широкие. Всем в городе известен местный герб – подсолнух, символ энергии, с кружками-семечками, отсылающими к атомному реактору, а также символы зелени и воды, обилие леса и водохранилище, любимое местными жителями. Более «народные» знаки Заречного это – оранжевые фонари, ежегодный карнавал в день города, аллеи, бульвары, невысокие 5-этажные дома, которые красят в яркие цвета – зелёный, жёлтый, оранжевый, бардовый. Кстати, в последнее время появились новые «народные» знаки – это крупные танцевальные *open-air*'ы у водохранилища, известные не только в области, но и за пределами, а также широко известное в узких кругах России крафтовое пиво Jaws, которое двигает идентичность Заречного посредством своих оригинальных названий, типа «Атомная прачечная» в честь фирменного бара на месте бывшей прачечной и «атомного городка», как называли Заречный сами жители.

Если проектировать айдентику Заречного с расчётом на адаптивность, то наиболее удачный знак здесь, отражающий необходимую степень абстракции – «атомность». Атомность – как символ чего-то маленького, «крафтового», уютного (сохранение населения, единение, традиции, «ламповая» радиоактивность, имиджевая, тёплая). Атомность – как символ станции, радиоактивного производства, электричества (акцент на экономических ресурсах – для инвесторов, в чём уникальность ресурсов). Атомность – как нечто космического порядка, что-то мощное и животворящее, энергия (возможные смыслы для мегаполиса в перспективе, энергия, бурный поток,

изменения, рост – то, что может привлечь приезжих).

У атомности есть необходимая степень знаковой уникальности по отношению даже, например, к распространённым территориальным символам – воды и леса; но в то же время атомность – свойство вполне архетипичное, свойство порядка, нашего понимания частиц, просто это архетип не совсем типичный именно для территориального брендинга.

Таким образом, из всего вышесказанного мы можем заключить, что адаптивность поиска идентичности при разработке территориального бренда состоит в том, чтобы *делать выбор из заданного многообразия значений*. Выбор в определённый отрезок времени определяется *ориентацией на приоритетную целевую аудиторию* из всех, которые есть, были и могут возникнуть в связи с положительной или отрицательной динамикой развития территории. Брендинг как воплощение идентифицирующих уникальных смыслов изначально проектируется дизайнером как *поле возможных значений* (заданное многообразие), где происходит *смена акцентов* с одних на другие для наиболее адаптивной подстройки бренда к изменяющимся реалиям.

Библиографический список

1. Бритвина И. Б. Внутренние целевые аудитории технологий геобрендинга // Малые и средние города России как проблемное поле геобрендинга. – Екатеринбург, 2011. – С. 14-17.
2. Инш А. Брендинг города как места, привлекательного для проживания / Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – С. 21-17.
3. Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики / Знание. Понимание. Умение. – 2013. – №2 – С. 52-62.

УДК 322.2:297.1

Мишучков А.А., Шарипов А.А. Положение начальных мусульманских школ (мектебе) в Оренбургской губернии в начале XX века *

Мишучков Андрей Александрович

кандидат философских наук, доцент
научный сотрудник Оренбургской Духовной семинарии
РФ, г. Оренбург

Шарипов Альфит Асхатович

кандидат исторических наук
Председатель Регионального Духовного
управления мусульман Оренбургской области
Директор Духовного Мусульманского
образовательного учреждения «Медресе «Хусаиния»
РФ, г. Оренбург

**The initial position of Muslim schools (mektebe)
in Orenburg province at the beginning of the 20th century**

Mishuchkov A.A.

Candidate of Philosophy, Associate Professor
staff scientist of the Orenburg Theological Seminary
Russian Federation, Orenburg

Sharipov A.A.

Candidate of Historical Sciences
Chairman of the Spiritual Board of Muslims
of Orenburg region, Director of the religious organization
«Spiritual Muslim Educational Institution «Madrassah «Khusainia»
Russian Federation, Orenburg

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию положения начальных мусульманских школ (мектебе) в Оренбургской губернии в начале XX века. Авторы анализируют и систематизируют данные о количестве инородцев по уездам, численности населения в селах, где есть мектебе; приводят статистические сведения о мусульманских школах Оренбургской губернии по годам, национальном и половом составе учащихся мектебе. Представлены подробные сведения о мусульманских приходах, духовных лицах и прихожанах-мусульманах в Оренбургской губернии; средствах, выделенных на содержание мектебе и их источниках, а также данные о помещениях начальных мусульманских школ. Проведён сравнительный анализ мектебе по методу преподавания 1912 г.: авторы выяснили, что если в 1912 г. большинство мектебе было старометодными – 420 из 467, то к 1916 г. количество новометодных мектебе стало почти в два раза больше (204 против 138). Авторы приводят данные относительно реформирования мектебе по уездам и приходят к выводу, что особенно явным оно стало в Оренбургском уезде: если в 1912 г. было 98 мектебе старометодных против 20 новометодных (четыре пятых мектебе), то в 1916

г. стало 32 старометодных против 107 новометодных (одна треть). Авторы публикации приходят к выводу, что переворот в системе мусульманского образования в губернии, особенно по прошествии четырёх лет (с 1912 по 1916 гг.) стал поистине прогрессивным.

Ключевые слова: Оренбургский край, мектебе, мугаллимы, начальное образование, мусульмане, ислам, Коран, старометодные и новометодные мектебе

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the situation of the primary Muslim schools (mektebe) in Orenburg province at the beginning of the 20th century. The authors analyze and systematize data on the number of foreigners in the uyezds, the population in the villages where the mektebe is located; give statistical information about the Muslim schools of the Orenburg province by years, the national and sex composition of the pupils of the mektebe. Detailed information is provided on Muslim parishes, clergymen and Muslim parishioners in the Orenburg province; funds allocated for the maintenance of mektebe and their sources, as well as data on the premises of primary Muslim schools. A comparative analysis of the mektebe was carried out according to the method of teaching in 1912: the authors found that if in 1912 the majority of mektebe were old-fashioned – 420 out of 467, by 1916 the number of new methods of mektebe became almost twice as large (204 against 138). The authors cite data on the reform of the mektebe in the uyezds and conclude that it became especially pronounced in the Orenburg district: if in 1912 there were 98 mektebe old-fashioned against 20 new-method (four-fifths mektebe), then in 1916 there were 32 old-timers compared to 107 new methods (one third). The authors of the publication come to the conclusion that a revolution in the system of Muslim education in the province, especially after four years (from 1912 to 1916) became truly progressive.

Keywords: Orenburg region, mektebe, mugallims, primary education, Muslims, Islam, Koran, old-world and new methods

**** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и
Правительством Оренбургской области научного проекта
№ 17-11-56002 а(р)***

В начале XX в. одну треть населения Оренбургской губернии составляли мусульмане-инородцы (башкиры, татары, тептяры, мещеряки и др.). К инородцам также относились: мордва, чувашаи, черемисы, калмыки, немцы и цыгане. Согласно переписи 1897 г. количество мусульман в Оренбургской губернии составляло 366 тысяч человек [3, с. 4]. Процент грамотных татар составлял 27,7% (32,8% мужчин, 22% женщин); грамотных башкир – 18% (22,7% мужчин, 12,8% женщин); грамотных тептяр – 18% (19,9% мужчин, 15,8% женщин); грамотных мещеряков – 20,6% (25,6% мужчин, 14,9% женщин) [4, с.67]. Следовательно, процент грамотных мусульман в Оренбургской губернии составлял около 21%, – примерно 78860 человек обоего пола.

Грамотных татар было из этого числа было приблизительно 25760 человек из 93 тысяч человек, проживавших в губернии, учитывая средний процент грамотности татар 27,7%. Подавляющее большинство грамотных мусульман губернии прошли через начальную мусульманскую школу грамоты – мектебе.

Мусульманские народности – башкиры, киргизы, татары и тептяри – имели общее для них татарское наречие и арабский алфавит. Более обособленным от татарского был киргизский язык, но это не мешало им в целом понимать друг друга. Тептярский язык был переходной формой от татарского к башкирскому языку. Близок к татарскому наречию был чувашский язык, хотя только некоторая часть чуваш были мусульмане [8, с. 128]. Поэтому все эти народности понимали друг друга, отсюда и общность инородческих национальных школ. Система мусульманского образования (мектебе) было основой национального образования и основой культурного развития данных народностей.

«Мектебе» – слово арабское и буквально означает «место для учения, место, где пишут». Согласно словарю Брокгауза и Ефрона: «Мэктэбе – низшие мусульманские школы, учреждаемые при мечетях, на средства частных благотворителей или прихожан. Учителем бывает или имам мечети, или постороннее лицо. Выучка начинается с заучивания арабских букв, затем складов по буквослагательному способу. После складов приступают к так называемому хафтияку (часть Корана), по которому мальчик выучивается механически разбирать арабские слова. За хафтияком переходят к чаркитабу – выдержкам из шариата, преимущественно по части религиозного права, также заучиваемым механически» [2, с. 441].

Уездные земства озаботились поставить начальное национальное образование на должный уровень, соответствующий общегражданскому образованию. Созданный в 1915 г. при отделе народного образования Оренбургской губернской земской Управы отдел инородческого образования провел в июле 1915 г. анкетирование среди мусульманских школ (мектебе) в Оренбургской губернии о положении дел в данной сфере и подготовил доклад

«Мектебы Оренбургской губернии» к 3-й очередной сессии Оренбургского губернского Земского собрания [1, с. 190 – 220.]. В анкетном листе содержалось двадцать пять вопросов. Из пятисот разосланных по мектебе анкет было возвращено и обработано триста пятьдесят девять или 72% от общего количества анкет.

Согласно опросу к общему числу сельского населения губернии на 1916 г. процент инородцев составил 33% – около 414 тысяч человек, мусульман – 31%. Наибольший процент инородцев (51%) и мусульман (48%) составил в Орском восточном уезде. В Оренбургском уезде на пятьсот тысяч жителей приходилось 135 тысяч инородцев и около 100 тысяч мусульман.

Таблица 1. Количество инородцев по уездам Оренбургской губернии

Уезды	Общее число жителей	Число инородцев	Процент инородцев	Процент мусульман
Оренбургский	500000	135000	27	20,1
Орский	250000	126750	51	48
Верхнеуральский и Троицкий	222000	88800	40	39
Челябинский	340000	63650	19	19
всего по губернии	1312000	414280	33	31

По данным отдела народного образования Оренбургской губернской земской Управы число активных, открыто реализующих учебную деятельность, мусульманских мектебе в Оренбургской губернии насчитывалось до 450. Во главе мектебов находились мугаллимы, грамотные учителя, выпускники медресе. Почти при каждой мечети в губернии, которых было около 600, действовали мектебе в той или иной форме, при мечети или на дому. Согласно опросу официальное разрешение на открытие имели лишь 10% мектебов, 70% мектебов открыты без всякого разрешения и 20% были открыты на основании разрешения на мечеть.

Большой пробел в опросе составили городские мектебе, не приславшие анкеты. Может быть, как раз потому, что многие не имели официального разрешения и могли скрывать количество учащихся. Тем самым земская анкета

коснулась только 367 сельских мектебе (табл. 2).

Таблица 2. Количество населения в селах, где есть мектебе

Уезды	Число приходов в селах	Число дворов в селах	Число жителей обоого пола в селах	Число детей школьного возраста в селах	
				мальчиков	девочек
Верхнеуральский	35	4279	24889	1634	1400
Оренбургский	107	13722	74877	6315	5383
Орский	117	12461	64400	5416	4386
Троицкий	13	1150	7598	414	373
Челябинский	48	6672	34267	2025	1632
Всего по губернии	320	38284	206031	15804	13174

Согласно опросу, 367 мектебе на 278 сельских селений приходилось 320 мусульманских приходов с количеством населения 206 тысяч человек и 29 тысяч детей школьного возраста. Таким образом, на каждое мектебе приходилось по 79 детей обоого пола. Учитывая, что все мальчики были обязаны посещать мектебе, а девочки учились в частной форме у женщин мугаллима на дому, то в среднем на каждое мектебе приходилось всего до сорока разновозрастных мальчиков. В среднем количество мусульман на каждом приходе в Оренбургском уезде доходило до семисот человек, из которых около 194 (27,7 % грамотности) были грамотными и также помогали своим детям овладевать грамотой в мектебе.

Мусульманские мектебе неравномерно располагались по уездам Оренбургской губернии (табл. 3). Наибольшее количество приходилось на Оренбургский уезд – 142 мектебе и 11 медресе на 95 селений. Меньше всего было в Троицком уезде – только 12 мектебе на 10 селений. Но, общее соотношение мектебе и селений – двенадцать на десять примерно сохранялось.

Таблица 3. Количество мусульманских школ по селам и уездам губернии

Уезды	мектебе	медресе	количество селений	дворов на одно мектебе
Верхнеуральский	35	3	26	122

Оренбургский	142	11	95	90
Орский	114	8	110	109
Троицкий	12	-	10	96
Челябинский	38	4	37	175
В целом по губернии	341	26	278	112

В среднем по губернии на одно мектебе приходилось 112 дворов или 600 жителей обоего пола. Причем в Оренбургском уезде количество дворов было меньше всего – 90 дворов на одно мектебе, что говорит о почти полном охвате учащихся мектебе в уезде. Также особенностью Оренбургского уезда было то, что количество мечетей (приходов – 107) было меньше мектебе, что говорит о нескольких мугаллима на приходе, которые могли вести мектебе. В Троицком и Верхнеуральском уезде число приходов совпадали с числом мектебе. Следовательно, существование мектебе было тесно связано с мечетью и располагалось в большинстве своем на ее базе.

Анализируя динамику школ с 1912 г. по 1916 г., можно увидеть следующую картину. В Оренбургском уезде количество мектебе выросло на 24 – до 142. По остальным уездам количество мектебе меньше, что говорит о том, что почти 260 мектебе из 600 на 1917 г. в опросе не участвовали (табл. 4).

Таблица 4. Статистические сведения о мусульманских школах Оренбургской губернии на 1912 г. [7, Л. 171.]

Уезды	мусульманские школы	учителя	учащиеся
Оренбург	8	37	1049
Оренбургский	118	76	5191
Орский	206	58	6095
Верхнеуральский	46	55	2064
Троицкий	35	37	1281
Челябинский	54	19	1765
по губернии	467	282	17445

Количество учителей, которые вели общеобразовательные предметы в мектебе по губернии, на 1912 г. было 282 человека. В г. Оренбурге на одно мектебе приходилось 4 – 5 учителей. В Оренбургском уезде на одно мектебе приходилось полтора человека, что говорит о низком уровне преподавания в

сельских мектебе. Количество учащихся в городских оренбургских мектебе приходилось по 131 человеку на одно мектебе, в Оренбургском районе на одно мектебе приходилось 44 учащихся. В целом по губернии на одно мектебе приходилось 37 учащихся.

Духовные предметы в мектебе вели священнослужители мечетей. На 1912 г. их насчитывалось в губернии: хатибов – 253; имамов – 737; мулл – 212; муэдзинов – 438, других служащих – 16; всего – 1656 человек [5, Л. 130 – 135]. Учитывая, что в губернии было 587 приходов (мечетей), а, следовательно, и мектебе при них, то в среднем на приход приходилось по три духовных лица, которые вполне удовлетворительно могли обеспечить образовательный процесс для учащихся. Количество мусульманских зданий в Оренбургской губернии на 1912 г. насчитывалось 746, из них: соборных мечетей – 503; мечетей – 138; молитвенных домов – 105 (табл. 5). Молитвенные дома отличаются от мечетей тем, что в них не совершается полуденной пятничной молитвы без разрешения муфтия и для их открытия не требуется особого разрешения.

Таблица 5. Сведения о мусульманских приходах, духовных лицах и прихожанах-мусульманах в Оренбургской губернии на 1912 г. [6, Л. 170 – 171.]

Уезды	приходы	духовных лиц	мусульман	Из них % башкир
Оренбург	7	21	22135	20,8
Оренбургский	172	362	97012	64,2
Орский	183	476	138488	84,3
Верхнеуральский	90	139	82660	62,5
Троицкий	40	75	27325	39,1
Челябинский	95	219	73643	77,9
по губернии	587	1292	441263	68,8

Эти сведения показывают, что в отчете количество духовных лиц меньше, чем в предыдущем (1292 против 1656). Возможно, не были учтены муэдзины и другие служащие при мечетях. Важно, что одна мечеть в среднем по губернии приходилась на 752 человека, в г. Оренбурге этот показатель составлял 3122 человека и говорил о том, что мечетей в губернском центре явно не хватало для всех мусульман. По национальному составу мусульман на

1912 г. в губернии было 303.373 башкир и 106.217 татар.

Следующая таблица дает нам представление о числе селений с 1-им, 2,3 и более мектебами (табл. 6).

Таблица 6. Количество мектебе по селениям уездов на 1915 г.

Уезды	Число селений с мектебами			
	одно	два	три	более трех
Верхнеуральский	21	1	3	1
Оренбургский	70	16	5	4
Орский	98	11	1	-
Троицкий	8	2	-	-
Челябинский	29	8	-	-
по губернии	226	38	9	5

Большинство селений (226) в Оренбургской губернии было с одним мектебе. Оренбургский и Орский уезд выделяются количеством мектебе с двумя и более мусульманскими школами. Таким образом, по насыщенности при мечетях мусульманскими школами и количеством педагогов Оренбургский уезд лидировал. Четыре селения были с количеством школ при мечетях четыре, пять мечетей с количеством три, и шестнадцать мечетей с количеством два мектебе.

Преобладающим инородческим населением губернии, как мы видим из данных таблицы 7, были башкиры (91% селений), далее татары (5%), тептяры (3%), мещеряки (1%). Башкиры в основном проживали в Оренбургском (79 селений) и Орском уезде (132 селения), татары исключительно только в Оренбургском (15 селений) и Орском уезде (1 селение).

Таблица 7. Национальный состав населения в селениях, где были мектебе

Уезды	Число селений с населением по преимуществу			
	башкиры	татары	тептяры	мещеряки
Верхнеуральский	20	-	9	-
Оренбургский	79	15	1	3
Орский	132	1	-	-
Троицкий	11	-	-	-
Челябинский	64	-	-	-
по губернии	306	16	10	3

В Оренбургской губернии не было смешанных мектебе для девочек и мальчиков. Отдельных мектебе для девочек по всей губернии насчитывалось только 24. Зачастую, девочки в большинстве своем под руководством женщины мугаллимы учились на частных квартирах (330 мектебе). Наибольший охват женским обучением был в Оренбургском уезде – 14 мектебе при мечетях и 109 мектебе на частных квартирах. В Орском уезде подавляющее большинство женских мектебе (124) было на частных квартирах и только четыре при мечетях. В таблице 8 приведены полные данные по способу ведения женского обучения.

Таблица 8. Обучение девочек в мектебе

Уезды	Обучение девочек велось:	
	в отдельном мектебе	в частной квартире
Верхнеуральский	5	27
Оренбургский	14	109
Орский	4	124
Троицкий	1	10
Челябинский	-	60
по губернии	24	330

Количество мальчиков школьного возраста в губернии на 341 мектебе приходилось 15800 человек. Таким образом, на одно мектебе приходилось 60 учащихся и 46 мальчиков данного селения. Оставшиеся четырнадцать мальчиков были либо из других селений, где не было мектебе, либо не школьного возраста. Поскольку число мальчиков в селении только школьного возраста 8 – 11 лет рассчитывалось на одно мектебе, тогда как по факту в мектебе отдавались дети с 5 – 6 лет и учились они зачастую 8 – 10 лет, до 14 – 16-летнего возраста (табл. 9).

Таблица 9. Обучение мальчиков в мектебе

Уезды	число мектебов	число мальчиков в мектебе	число мальчиков на 1 мектебе	число учащихся в мектебе
Верхнеуральский	35	1634	47	42
Оренбургский	142	6315	44	64
Орский	114	5416	48	59

Троицкий	12	414	35	48
Челябинский	38	2025	53	47
по губернии	341	15804	46	60

Согласно опросу в анкете «учатся ли в мектебе дети из других селений?», были даны следующие ответы. В среднем по губернии в каждой мектебе обучалось 18 мальчиков из других селений того же района. Процент школ с учащимися из других селений в целом по губернии составил 55%. Причем, в Оренбургском уезде такой процент школ был минимальным – 49%, а в Верхнеуральском уезде максимальным – 72% (табл. 10).

Таблица 10. Школы с детьми из других селений

Уезды	% школ с учащимися из других селений	Среднее число детей из других сел
Верхнеуральский	72	12
Оренбургский	49	11
Орский	58	28
Троицкий	60	11
Челябинский	51	5
по губернии	55	18

Из данных анкет видно, какой процент учащихся стремится получить образование в мектебе уездных городов. Из общего количества учащихся по губернии из девятнадцати тысяч учащихся 748 учились в городских мектебе, то есть 4% от числа всех учащихся. 96% учащихся села учились только в сельских мектебе. В опрос не вошли учащиеся городских мектебе. Поэтому соотношение количества учащихся в городских и сельских мектебе в целом по губернии будет похоже (табл. 11).

Таблица 11. Число учащихся в селе и городе

Уезды	общее число учащихся	число детей села, учившихся в городе	% к общему числу учащихся
Верхнеуральский	2071	108	5
Оренбургский	8160	181	2
Орский	6406	302	5
Троицкий	480	5	1
Челябинский	1639	149	8
по губернии	19056	748	4

308 респондентов в анкетах ответили на вопрос о причинах непосещения детьми мектебе. Основной причиной непосещения детьми мектебе была социальная – бедность (210 сообщений, 78%). На втором месте – «отсутствие у родителей осознания необходимости посещения» – 39 сообщений (12,7 %). На третьем месте – «отдаленность от мектебе» – 28 сообщений (9%). Другие причины (менее 0,3%) указаны только в одном сообщении.

По времени существования мектебы в губернии разделялись на: существующие менее 5 лет – 44 (13,5%); существующие 5 – 10 лет – 28 (8,6%); существующие 10 – 15 лет – 13 (4%); существующие более 15 лет – 239 (73,7%).

Таким образом, подавляющее большинство имеющихся в губернии мектебов существовали более 15 лет. Практически удваивается также за каждые пять лет появление новых мектебе – 13, 28, 44 мектебе по каждой пятилетке. Большинство открывающихся мектебе являлись новометодными. Это говорит о тенденции реформирования мусульманской школы и переходе ее на качественно новый уровень образования.

В анкетах были ответы на вопрос о принадлежности помещений мектебе. В большинстве своем здания мектебе были выстроены специально для школ и принадлежали мусульманским обществам – 242 по губернии, 75,8% от всего числа. Больше число таких мектебе было в Оренбургском уезде (111 зданий, 85% по уезду) и в Орском уезде (89 зданий, 82,4% в уезде). В других уездах количество мектебе, расположенных в отдельных помещениях, и мектебе, находящихся на частных квартирах, было примерно одинаковым. Особенностью Челябинского уезда является факт того, что одно здание мектебе выстроено на средства земства (табл. 12).

Таблица 12. Принадлежность помещений мектебе

Уезды	Здание принадлежит					
	обществу		частным лицам		земству	
	кол-во помещений	%	кол-во помещений	%	кол-во помещений	%

Верхнеуральский	18	60	12	40	-	-
Оренбургский	111	85	22	15	-	-
Орский	89	82,4	19	17,6	-	-
Троицкий	3	43	4	57	-	-
Челябинский	21	51,2	19	46,3	1	2,5
по губернии	242	75,8	76	23,8	1	0,3

О внутреннем объеме воздуха в помещениях мектебе было дано 306 показаний, больше всего в Оренбургском уезде – 131 (табл. 13).

Таблица 13. Объем воздуха на учащегося в мектебе

Уезды	число показаний мектебе	средний объем воздуха на учащегося в мектебе	колебания объемов воздуха в мектебе	кол-во кубов на 1 уч-ся
Верхнеуральский	33	438,2	108 – 1460	6,1
Оренбургский	131	382	73 – 1976	6
Орский	96	385,4	54 – 2970	6,7
Троицкий	10	371,3	105 – 1011	7,7
Челябинский	36	343,8	106 – 952	7,3
по губернии.	306	381,3	54 – 2970	6,4

Средний объем воздуха в помещениях мектебе по отдельным уездам колеблется незначительно от 343 кубических аршин (к.а.) в Челябинском уезде до 438 к.а. в Верхнеуральском уезде, в среднем по губернии составляя 381 к.а. Колебания в объеме отдельных помещений мектебе весьма значительны, особенно в Орском уезде – от 54 до 2970 к.а. Сравнивая средний объем помещения мектебе со средним числом учащихся в тех же мектебе по каждому уезду, видим, что в среднем на одного учащегося приходится кубического содержания воздуха в школе 6,4 к.а.

Исходя из 293 ответов анкетного листа, средняя стоимость здания мектебе составляла около 350 рублей, за исключением Оренбургского уезда, где средняя стоимость здания мектебе равнялась 644 рублям. По отдельным мектебе стоимость составляла от 30 рублей в Орском уезде до 7000 рублей в Оренбургском уезде (табл. 14).

Таблица 14. Средства на содержание мектебе

Уезды	число мектебов, содержимых на средства:				
	прихода	частных лиц	на плату с учащихся	земством	земства
Верхнеуральский	9	3	15	10	-
Оренбургский	41	4	95	1	-
Орский	24	2	77	4	-
Троицкий	4	-	5	3	-
Челябинский	-	-	32	9	8
по губернии	78	9	224	26	8
процент	23,1	2,7	66,4	7,7	2,4

Большинство мектебов – 224 – (66,4%) содержались исключительно на плату с учащихся, на втором месте ответ – «на средства прихода» – 78 (23,1%), «на средства частных лиц» 9 мектебов (2,7%), содержались земствами – 18 (5,3%). Особенность Челябинского уезда была в том, что все девять мектебов (2,7%) содержались исключительно земством.

Средний годовой расход на одно мектебе в губернии, без содержания мугаллима, был равен 248 рублей, колеблясь по отдельным уездам от 171,4 руб. в Оренбургском уезде до 570 рублей в Челябинском уезде. Разрыв между отдельными показаниями по расходам на мектебе был очень велик, от 25 рублей в Верхнеуральском уезде до 9000 рублей в Челябинском уезде.

Одна из особенностей сельских мектебе – слабое обеспечение учебной литературой. О причинах, препятствующих приобретению учебных пособий, 299 анкет мектебе сообщали следующее: 263 сообщения (87,9%) указывали на бедность школы и бедность населения; 32 сообщения (10,7%) указывали на отдаленность книжной торговли; 4 (1,3%) – на незнакомство с учебными пособиями.

Важной особенностью мектебе был метод преподавания – по-новому или по-старому. 342 сообщения по данному вопросу дали следующую картину, систематизированную нами в табл. 15.

Таблица 15. Мектебе по методу преподавания 1916 г.

Уезды	число мектебов с преподаванием по методам:	
	новому	старому

	количество	%	количество	%
Верхнеуральский	29	76	9	24
Оренбургский	107	77	32	23
Орский	49	42	69	58
Троицкий	7	70	3	30
Челябинский	12	32	25	68
по губернии	204	59	138	41

По данным ответов большинство мектебов в губернии были с новым методом преподавания – 204, только в уездах Орском (49 против 69) и Челябинском (12 против 25) число школ со старым методом преобладали. В Оренбургском уезде количество мектебе с новым методом преобладали над старым (107 против 32) (табл. 16).

Таблица 16. Мектебе по методу преподавания 1912 г. [6, л. 170 – 171]

Уезды	старометодные			новометодные			Всех школ
	мектеб	медресе	всего	мектеб	медресе	всего	
Оренбург	1	3	4	2	2	4	8
Оренбургский	26	72	98	16	4	20	118
Орский	76	130	206	-	-	-	206
Верхнеуральский	36	10	46	-	-	-	46
Троицкий	8	14	22	6	7	13	35
Челябинский	28	16	44	8	2	10	54
по губернии	175	245	420	32	15	47	467

Если в 1912 г. большинство медресе было старометодными – 420 из 467, к 1916 г. количество новометодных мектебе стало почти в два раза больше (204 против 138). Особенно явно стало реформирование в Оренбургском уезде. В 1912 г. было 98 мектебе старометодных против 20 новометодных (четыре пятых мектебе). В 1916 г. стало 32 старометодных против 107 новометодных (одна треть). В Орском (206) и Верхнеуральском (46) уездах в 1912 г. все мектебе были старометодными, новометодных не было. В 1916 г. в Верхнеуральском новометодных стало больше (29 против 9), а в Орском уезде стало приближаться к паритету (49 против 69). Это говорит о поистине

прогрессивном перевороте в системе мусульманского образования в губернии эти четыре года.

Анализируя и систематизируя все приведённые нами данные, можно прийти к выводу, что большинство правоверных мусульман считали должным дать своим детям основные необходимые религиозные и научные знания. Сохранение и развитие родного языка, религиозных знаний было необходимо для мусульман для формирования мусульманской и национальной идентичности. Светские знания мусульманам были необходимы для социализации и адаптации к формирующемуся в Российской империи капиталистическому рынку, для укрепления гражданского единства среди всех народностей империи. Высокая культура ислама и национальной культуры способствовала сохранению духа веротерпимости и социального сотрудничества между народами.

Библиографический список

1. Мектебы Оренбургской губернии // Доклады по народному образованию в Оренбургском Губернском Земском Собрании 3-й очередной сессии. – Оренбург, 1916. – С. 190 – 220.
2. Мэктэбе // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 82 т. – СПб., 1890–1907. С. 441.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXVIII. Оренбургская губерния. – СПб, 1904. – С. 4.
4. Петрич Л.В. Образовательная работа среди нерусских народов Оренбуржья в первой трети XX столетия // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2015. – № 3. – С. 67.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 545. Л. 130 – 135.
6. РГИА.Ф. 821.Оп.133. Д. 545. Л. 170 – 171.
7. РГИА.Ф. 821.Оп.133. Д. 575. Л. 171. Сведения, представленные в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД канцелярией Оренбургского губернатора.
8. Ягафова Е.А. Чуваша-мусульмане в XVIII – начале XX I вв. – Самара: ПГСГА, 2009. – 128 с.

УДК 745.03

Петрова Л.Е., Фитьмов Е.А. Художественные ремёсла как связующий компонент культуры на Северном Кавказе

Петрова Людмила Евгеньевна

преподаватель кафедры изобразительного искусства и дизайна
Ставропольский государственный педагогический институт ,РФ
г. Ставрополь

Фитьмов Евгений Алексеевич

доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна
Ставропольский государственный педагогический институт РФ

Artistic craft as a connecting component culture in the North Caucasus

Petrova Liudmila Evgenyevna

lecturer of foreign fine art and design, Stavropol state pedagogical institute
Russia, Stavropol

Fitmov Evgeny Alekseevich

associate Professor of foreign fine art and design
Stavropol state pedagogical institute, Russia, Stavropol

Аннотация. Статья рассматривает взаимное влияние культуры народов Северного Кавказа друг на друга; общность и значение традиций в искусстве художественных ремёсел.

Ключевые слова: культура, художественные ремёсла, этнос, традиции, эстетическая деятельность, уникальные произведения.

Abstract. The article deals with the mutual influence of culture of the peoples of the North Caucasus at each other; the community and the importance of tradition in artistic crafts.

Keywords: culture, artistic crafts, ethnic group, traditions, aesthetic activities, unique works.

Сегодня, когда так много говорится о принятии и понимании культуры других народов, хочется обратить внимание на то, что истоки культуры и художественных ремёсел многих народов достаточно близки. Произведения народного декоративно-прикладного искусства отражают традиции в целом всего народа, его миропонимание, художественный опыт. Очевидно, что народное декоративно-прикладное искусство является полноправной частью художественной культуры, в том числе современной. В частности, мы знаем,

как исторически переплелись быт и культура горских народов Северного Кавказа и казачества. Об этом свидетельствует музыка, декоративно-прикладное искусство, традиции ношения одежды, оружия и т.п.

Кавказ - особая историко-этнографическая область с очень сложным этническим составом. Наряду с народами, насчитывающими миллионы человек, здесь проживают этносы, чья численность не превышает нескольких тысяч человек. С древнейших времён население Северного Кавказа находилось в постоянном контакте с разного рода кочевыми племенами - киммерийцев, скифов, сарматов, аланов, гуннов. Все эти кочевники влияли на язык и культуру северокавказских народов, вносили стилевые изменения в декоративно-прикладное искусство.[2]

Если рассматривать религии, то в древности народы Северного Кавказа были язычниками - поклонялись огню, духам мест, явлениям природы. С VI по XVIII века в регион активно устремились православие и ислам. Прежние верования, исчезли не полностью, влившись в местные варианты двух мировых религий в виде локальных обрядов и святых мест.[2]

Взаимодействуя с природой, человек научился преобразовывать трудовую деятельность в эстетическую, совершенствуя трудовые процессы, он создаёт духовную культуру. Достижение определённых целей в труде вызывает удовлетворение, радость, эмоциональный подъём. Труд, связанный с искусством, существенно влияет на развитие творчества человека. Для тех, кто владел определённым мастерством, было важным украсить свое жилище, свою одежду, своего коня, свое оружие. Творчество воплощалось в народной песне, пословицах, народном танце, в народных бытовых образах. В частности древние изобразительные элементы - розетки, звезды, круги, треугольники, спирали распространены в орнаментах по всему Северному Кавказу.

Разнохарактерность и многогранность культуры народов, населяющих Северный Кавказ (карачаевцы, ногайцы, осетины, чеченцы, даргинцы, ингуши, лезгины, лакцы, аварцы, табасараны, рутульцы, агулы, цахуры, кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абазины, балкарцы) были определены исторической

ситуацией. Художественные ремесла нередко составляли основу экономики целых аулов. В каждой горской семье всегда было два-три человека, свободно владеющих навыками постройки жилищ, изготовления инвентаря, украшений, предметов быта.[1]

При знакомстве с произведениями народных художников мы обращаем внимание на основные понятия «художественный образ», «символ» и «знак». Символические образы народного искусства обладают большой смысловой емкостью, организуемые композиционно в различные орнаменты, передают глубокое отношение человека к окружающему миру. Некоторые народы, например, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, в бытовых народных традициях и фольклоре сохранили домусульманские верования: почитание явлений природы, небесных светил, культ предков.[3]

Развиваясь, декоративно-прикладное искусство народов Северного Кавказа получило выражение в форме домашней промышленности, когда создаваемое горцем изделие предназначалось непосредственно для себя, для своей семьи, и в форме ремесленных промыслов, которые обслуживали широкий круг потребителей, часто далеко выходя за пределы своего региона распространения.

Обратимся к традициям изготовления изделий художественных ремесел в культуре отдельных народов Северного Кавказа.

Можно выделить общие черты одежды горских народов, такие как бешмет, рубаха, шаровары, бурка, головные уборы из овчины или каракуля, сапоги, чувяки из кожи или сукна. Неизменная принадлежность мужского костюма - кинжал. Оружие для горца испокон веков было предметом особой гордости. Ножны, рукояти кинжалов и пашек, стволы пистолетов украшались тонким гравированным орнаментом, чернью и золочением. Особенно высоко ценилась кубачинская работа. Дагестанские мастера из горного селения Кубачи специализировались на художественном оформлении оружия. Женская повседневная одежда до XIX века была по покрою почти идентична мужской. С проникновением элементов русской культуры она становится более

разнообразной. К платью пришивались серебряные с позолотой украшения (нагрудники), орнаментальные аппликации. Также кубачинские мастера занимались медночеканным делом (производство водоносных сосудов, ритуальной посуды и др.), изготовлением разнообразных женских украшений, предметов мужской одежды, деталей конского снаряжения.

Дагестанские мастера использовали практически все ювелирные техники, причем большинство из них имеют местное и очень древнее происхождение (литье, штамп, ковка, зернь, гравировка). Другие техники (насечка, чернение) появились позднее, а некоторые (эмаль, филигрань) пришли из России лишь в конце XIX века.

Украшения из драгоценных металлов занимают особое место в сфере художественного творчества. Ювелирные украшения составляли неотъемлемую часть традиционного костюма всех народов Северного Кавказа. Украшения выполняли важную символическую роль - служили оберегами, знаками принадлежности к определенной этнической и социально-возрастной группам. Налобные, височные подвески и серьги, пряжки для поясов выполнялись в традиционных ювелирных техниках. Важнейшим элементом костюма жителя Кавказа были пояса, собранные из литых или штампованных сегментов, с красивыми пряжками, украшенными рельефными узорами с чернью и позолотой. Среди орнаментальных мотивов выделяются разнообразные символы плодородия: изображения птиц, растений, рогов животных, солярных знаков.

В ювелирном искусстве аварцев, живущих территориально наиболее изолированно, больше сохранилось архаических черт, преобладание в орнаментике солярных знаков, охранных символов, стилизованных изображений коней и птиц, что вместе с наиболее распространенными техниками гравировки и черни придавало украшениям особую монументальность. У ногайцев существуют украшения, не встречающиеся у других дагестанских народов. Это украшения для кос (горские женщины прятали волосы под специальный головной убор - чохто) и носовые серьги.

У многих народов Северного Кавказа в XVI-XVIII веках была развита резьба по дереву на бытовой утвари, также в архитектуре: опорные столбы, закрома, лари, сундуки и т. д. Преобладал геометрический орнамент - розетки, спирали, круги, завитки рогов и др. Для резьбы по дереву в Южном Дагестане, особенно в Табасаране, был типичным узор из плетенки, примеры которой мы можем встретить в орнаментах других культур. Резьбой в виде голов животных (козла, барана) украшались чаши, черпаки у осетин и балкарцев.

В Южном Дагестане, Чечне, Балкарии широкое распространение получило ковроделие. Здесь изготавливали безворсовые и ворсовые ковры. Это паласы с геометрическим узором внутри полос и обрамляющей рамой, «сумахи» - обладающие мягким сочетанием красок при строго повторяющемся узоре. Ковры выполняли самые разные функции. Младенцам покрывали люльки специальными коврами накидками, невестам ковры давали в приданое (невеста должна была соткать ковер для будущего мужа), ковры использовались в погребальных обрядах. После проникновения ислама в Дагестан появился такой вид ковров как намазлык.

Взаимообмен на торгово-бытовом уровне технологиями изготовления и производства изделий того или иного ремесла, позволяет утверждать, что в силу определенного территориального расселения, народы Северного Кавказа выработали свой определённый стиль традиционных художественных ремёсел.

Впоследствии распространение изделий художественных ремёсел в качестве товаров в XIX веке в города Кавказских Минеральных вод, Ставрополя, Кубани позволило познакомиться с самобытными уникальными произведениями декоративно-прикладного искусства народов Северного Кавказа, обогатить местные традиции в искусстве.

Взаимовлиянию культур способствовали установившиеся добрососедские и родственные отношения между казаками и горцами. Известно, что в русские станицы переселялись горские крестьяне, некоторые принимали православие. Первые казаки, заселившиеся на Северном Кавказе – гребенские, знали языки горцев, музыку и танцы этих народов. Общее проживание на одной территории

с казачеством, позволяло горцам знакомиться с историей и культурой России, в свою очередь казаки, будучи отчасти носителями традиций народов Северного Кавказа, знакомили русское население с обычаями и культурой горцев.

Ценность произведений народного декоративно-прикладного искусства заключается не только в том, что они представляют предметный мир, материальную культуру, но еще и в том, что они являются памятниками духовной культуры. Народное искусство особый феномен, который вплетается в целом в культуру. В этом его огромная общественная ценность, значение как исторической памяти: оно отражает народное мировоззрение, народное понимание красоты, народную мудрость и народную нравственность. Народное искусство соединено нитью прошлого с настоящим, сберегая национальные художественные традиции.

Библиографический список

1. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство народов Северного Кавказа: история, теория, педагогическая практика /Тезисы докладов региональной межвузовской научной конференции. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – 166 с.
2. Народы России: Атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина. - М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. - 256 с.: ил.
3. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.- М.: Наука, 1988.- 54 с.

УДК 94:323.26.(470.324)“1917”

Пумпянская О.В. Влияние Октябрьской революции 1917 года на современную российскую культуру

Пумпянская Ольга Владимировна

кафедра истории, Российский Государственный Университет (национальный исследовательский университет) нефти и газа имени И.М. Губкина

October revolution of 1917: life and customs of citizens

Pumpyanskaya Olga Vladimirovna

department of history, Gubkin Russian state university of oil and gas

Аннотация. В данной статье исследуется влияние революционных событий 1917 года на современную культуру. Как именно складывалась новая советская

культура, что позитивного принесла революция в развитие культуры. Влияние революции на повседневную культуру.

Ключевые слова: Октябрьская революция, культура, СССР, XX век, 1917, Москва, развитие, общество, грамотность.

Abstract. The article deals with the events of Revolution 1917 upon modern culture. It investigates how the new Soviet culture developed and its positive traits influence upon everyday culture.

Keywords: October revolution, culture, USSR, 20th century, 1917, Moscow, development, society, literacy.

Современный мир культуры сильно отличается от культуры даже XX века. Наша страна сильно изменилась за последние двадцать с лишним лет. Если раньше, в эпоху СССР искусство и культура развивались в определенных рамках, несмотря на оппозиционных деятелей искусства, то в нынешней реальности царит буйство свободных тенденций. Одно современное искусство чего стоит! Вне зависимости от споров, искусство это или нет, можно сказать одно — о современном искусстве говорят, его обсуждают, оно сейчас в так называемом тренде. После развала СССР российская культура перестала быть жестко регламентированной.

Причины Октябрьской революции следует искать в имперском режиме. В царской России жизнь и культура постепенно приходили в упадок, в этом была виновата тяжелая, изматывающая Первая мировая война, вызвавшая кризис экономики: инфляцию, дефицит, «...жизнь, быт и нравы стали ухудшаться»[7 с. 30] Среди богемного общества царила свобода нравов. Особенно прославилось в этом плане литературно-историческое кабаре «Бродячая собака» (1911 - 1915), которое было открыто накануне 1912 года в Петербурге. В этом кабаре проводили время О. Мандельштам, А. Ахматова, Н. Гумилев, И. Северянин. В моде был оккультизм и сопутствующие ему явления. Не менее знаменитым было общество «Бубновый валет» (1911 - 1916), в которое входили такие молодые художники как, П. Кончаловский, И. Машков, А. Куприн. У этого общества был свой устав, правила, статьи, они буквально возродили жанр натюрморта. Молодые живописцы протестовали против импрессионизма, отвергали таинственность и мистику в творчестве, противопоставляли себя

символизму общества «Голубой розы» (1907 — 1910), предпочитая фовизм и кубизм. Такая ситуация в империи не могла не повлиять и на характер культуры в целом.

Октябрьская революция 1917 года положила начало иным переменам. Недаром все вышеперечисленные богемные общества канули в лету незадолго до революции. Традиции Серебряного века сменяют жесткие революционные принципы. Например, А.Коллонтай в своих многочисленных литературных трудах достаточно четко сформулировала идеал новой женщины, которая служит революции, а не семье. Образуется новый формат отношений, но впоследствии, когда ситуация более менее успокоится, семья как достаточно важная ячейка общества будет в приоритете, в отличие от свободных отношений.

Если вернуться к вопросу о революции, то она была неизбежна, поскольку «слишком много неразрешимых противоречий накопилось в стране и в обществе к октябрю 1917 года. Данные проблемы могла решить очередная, уже теперь большевистская, революция». [7 с. 35] Эпоха перемен — это всегда страшно, особенно, когда в качестве орудия перемен предлагается революция. Для российской культуры революция имела двоякое значение. С одной стороны, веками складывающаяся культурные традиции царской России, мораль и нравственность уходят в прошлое: «общество становится деклассированным, уходят в прошлое многие общепринятые во всем цивилизованном мире социальные нормы. Например, категорически перестают уступать места пожилым людям, офицерам, дамам. Все эти неблагоприятные поступки совершаются с оттенком революционной гордости и носят демонстрационный характер.» [7 с. 33] А с другой стороны, именно после этого исторического события стали складываться новые направления в культуре: повысилась активность интеллигенции, проводились публичные обсуждения на тему религии, вопросы об интеллигенции, создавались новые общественные движения, такие как Международная организация помощи борцам революции (МОПР) и др. Процесс либерализации был противоречивым.

Руководство СССР опасалось, что излишняя либерализация обернется противостоянием с новым советским строем. Для противостояния буржуазной идеологии организовывали политшколы, совпартшколы и т. д. Тем более, подобные тенденции были актуальны, т. к. советское правительство считало очень важной задачу ликвидации неграмотности.

После окончания Гражданской войны и принятия политики НЭПа, правительство задумалось о восстановлении страны. Новое государство, организованное на развалах старого, в 1922 году получило эпичное название — Союз Советских Социалистических республик (далее СССР). Началось строительство нового общества и новой советской культуры. Несмотря на то, что Октябрьская революция «вызвала эмиграцию значительного числа деятелей культуры...» [4 с. 333], тем не менее нельзя отрицать тот факт, что «20-е гг. были годами необыкновенного всплеска художественных исканий и творческой активности почти во всех областях». [4 с.333] Художники, окрыленные идеями революции, с вдохновением проявляли свое творчество в самых разнообразных эстетических направлениях. Это было удивительное время экспериментов, когда советские художники чувствовали себя частью общего мирового авангарда и модернизма. Культура эпохи НЭП — это, прежде всего, литература и поэзия. Именно в 1920-е годы активно писали такие таланты молодой советской литературы, как М. Булгаков, М. Зощенко, М. Шолохов, А. Ахматова, В. Маяковский и многие другие.

Тем не менее, в культуре того периода литература была не единственным направлением. Именно в это время начинают развиваться такие области в искусстве, как советское кино и театр. Эйнштейн и Довженко сделали первые шаги в кинематографе Советского Союза, а режиссеры Мейерхольд и Таиров активно развивали молодой советский театр. Молодые художники той эпохи — Малевич, Лисицкий, Родченко и другие — создают новую живопись и дизайн. Таким образом, можно сказать, что 20-е годы СССР были значительной страницей не только в культуре Советского Союза, но и в мировой культуре.

Молодое советское государство не забывает и о неграмотности

населения, точнее, о необходимости ее скорейшей ликвидации. Проблема грамотности существовала и в царской России. Благодаря Первой российской переписи в 1897 году можно увидеть отставание нашей страны от Европы. Количество грамотного населения было очень маленьким — всего 24 %. Причем в Курляндии, Эстляндии и Лифляндии процент грамотности был приближен к 95 %, а в Восточной России ситуация была плачевной. В 1919 году 26 декабря Советом Народных Комиссаров (СНК далее) был принят Декрет о ликвидации безграмотности (ликбез). Советское общество обязывалось учиться грамоте повсеместно. Граждане, не умеющие читать и писать, должны были обучаться в государственных школах, либо в других учреждениях. В 1920 году СНК организует Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. Эта комиссия занималась организацией курсов ликбеза, подготовкой учителей, также ведала изданием учебной литературы. В 1923 году была создана общественная организация «Долой неграмотность!» - это было Всероссийское добровольное общество. Общество насчитывало примерно 100 тысяч человек к концу 1923 года.

В науке все было сложнее: большевики считали, что традиционные лекции устарели, так как обладают реакционно-буржуазным характером и их необходимо заменить на бригадно-лабораторный метод. Этот метод заключался в групповом организованном обсуждении студентами различных тем и фактически превращал занятия в консультации. Из ученых-историков мало кто принял Октябрьскую революцию, но такие люди были. Один из них — это М.Н. Покровский, ученик В.О. Ключевского, советский историк-марксист, сыгравший видную роль в молодой исторической науке советского периода.

Говоря о постреволюционной культуре, как и говорилось ранее, считается, что Советскую Россию покинули ее лучшие представители. Вот что пишет по этому поводу В. М. Байдалаков в ноябре 1932 года: «Эмиграция, ходом событий, является сейчас единым оплотом национальной России. Она порождена лучшими силами страны — ее культурным слоем. Но, очевидно, с великим наследием прошлого вывезены и унаследованы и великие недуги, ...»

[10 с. 349]. В. М. Байдалаков (1900 - 1967) — эмигрант, русский политический деятель, участник Гражданской войны, идеолог русской эмиграции, остаток своих дней провел в США, где и скончался. Действительно, определенная доля истины в этих словах есть, ведь страну на «философском пароходе» покинула большая часть развитого интеллектуального общества бывшей империи. Но в том то и дело, что эмигранты развивали определенную часть русской культуры в Европе, в частности, во Франции, а те, кто остался в Советской России, строили эту новую страну, с ее новыми моральными принципами и культурными ценностями. Именно эти тысячи которые учились, работали, с помощью которых ликвидировали неграмотность, впоследствии стали учителями, врачами, работниками культуры достойны уважения. В итоге СССР обрел свою самобытную культуру, так называемого советского периода. Эта культура СССР, в первую очередь культура 1920 годов (кубизм, супрематизм, конструктивизм и т.д.), стала в какой-то мере платформой для современной культуры, в которой так причудливо соединились отблески революционных веяний, веселья эпохи НЭП и элементы мировой культуры.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь — М.: Большая Российская энциклопедия, 1997 — 1456 с.
2. Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Книга II Тбилиси,. 1991 — 383 с.
3. Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР: историко-статистические очерки. М., 1964 — 195 с.
4. Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888-1938. М., 1988 — 574 с.
5. Нефедов С.А. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция.//«Уральский исторический вестник», 2005, № 10-11, с. 112-123// интернет-ресурс: <http://anticomprador.ru/Nefedov/Nefedov.html>
6. Пумпянская О.В. Зинаида Гиппиус. Взгляд на социально-культурные тенденции в России в начале XX века. // История, культура, искусство: опыт прошлого взгляд в будущее: сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. 31 января 2017 г. – г. Санкт-Петербург: Открытое знание, 2017. – С. 28-32
7. Пумпянская О.В. Октябрюская революция 1917 года: быт и нравы горожан//История, цивилизация, общество: опыт, современное состояние и пути развития: сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. 2017 г. – г. Санкт-Петербург: Открытое знание, 2017. – С. 30-35
8. Революция и человек: быт, нравы, поведение: сб. статей / ред. П. Волобуев. М.: ИРИ РАН. 1997. 223 с.
9. Руга В. Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: 2011 — 688 с.

10. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940-гг. Документы и материалы//под ред. Профессора А.Ф. Киселева. М., 1999 — 776 с.
11. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. - М., 1990 — 447 с.

УДК 372.8

Шарипов А.А., Мишучков А.А. Оренбургская татарская учительская школа как важный фактор становления педагогической системы мусульманского образования в Оренбуржье *

Шарипов Альфит Асхатович

кандидат исторических наук

Председатель Духовного управления мусульман Оренбургской области
Директор религиозной организации «Духовное Мусульманское образовательное учреждение «Медресе «Хусаиния»
РФ, г. Оренбург

Мишучков Андрей Александрович

кандидат философских наук, доцент

научный сотрудник Оренбургской Духовной семинарии
РФ, г. Оренбург

Orenburg Tatar teacher's school as an important factor in the formation of the educational system of Muslim education in Orenburg region

Sharipov Alfit Askhatovich

Candidate of Historical Sciences

Chairman of the Spiritual Board of Muslims of Orenburg region, Director of the religious organization «Spiritual Muslim Educational Institution «Madrassah «Khusainia»
Russian Federation, Orenburg

Mishuchkov Andrey Alexandrovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor

staff scientist of the Orenburg Theological Seminary
Russian Federation, Orenburg

Аннотация. В данной статье приводится спектр фактов и анализ информации о становлении, развитии, роли Оренбургской татарской учительской школы. Цель создания учительской школы важна и актуальна для многонационального и поликонфессионального региона – подготовка педагогических кадров из числа татарского и башкирского населения для правительственных начальных «инородческих» школ: русско-татарских и русско-башкирских училищ, а также русских классов при медресе. Авторы проводят обзор информации о количестве учеников и их сословном составе, изучаемых дисциплинах, учебных пособиях и требованиях, библиотеке, уровне успеваемости, педагогическом коллективе,

успешных выпускниках школы, сыгравших важную роль в дальнейшем развитии национального образования. Авторы систематизируют информацию и приходят к выводу, что несмотря на непродолжительное время своего существования, Оренбургская татарская учительская школа подготовила хороших педагогов из татар и башкир, сыгравших впоследствии значительную роль в деле просвещения татарского и башкирского населения.

Ключевые слова: Образование, национальное образование, история образования, просвещение, школа, Оренбуржье, подготовка педагогов, татары, башкиры, многонациональный регион, «инородческие» школы.

Abstract. This article presents a spectrum of facts and analysis of information on the formation, development, role of the Tatar Orenburg Tutor School. The purpose of creating a teacher's school is important and relevant for a multi-ethnic and multi-confessional region – the training of teaching staff from among the Tatar and Bashkir population for government primary «alien» schools: Russian-Tatar and Russian-Bashkir schools, as well as Russian classes at madrassas. The authors review information on the number of students and their class composition, studied disciplines, study guides and requirements, the library, the level of academic achievement, the teaching staff, successful school graduates, who played an important role in the further development of national education. The authors systematize the information and come to the conclusion that despite a short time of its existence, the Orenburg Tatar teacher's school prepared good teachers from the Tatars and Bashkirs who later played a significant role in educating the Tatar and Bashkir populations.

Key words: Education, national education, history of education, education, school, Orenburg region, teacher training, Tatars, Bashkirs, multinational region, «alien» schools.

**** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 17-11-56002 а(р).***

Оренбургская татарская учительская школа как среднее бесплатное бессловное государственное учебное заведение было основано Министерством народного просвещения в г. Уфе в сентябре 1872 г. согласно «Положения о татарских учительских школах» от 27. 03. 1872 г. Учительская школа состояла из 4 классов с годичным татарским училищем при ней, которые содержались на казенный счет [1. Л.1]. Начальное училище было создано при школе 13.12.1877 г., призвано было подготовить будущих учителей для поступления в школу и являлось базой для прохождения педагогической практики учащимися школы и учителями, приезжающими на курсы усовершенствования.

Целью создания учительской школы была подготовка педагогических кадров из числа татарского и башкирского населения для правительственных

начальных «инородческих» школ: русско-татарских и русско-башкирских училищ, а также русских классов при медресе.

В связи с тем, что Уфимская и Оренбургская губернии разделились в 1865 г. и усилилась потребность в Оренбургской губернии в учителях в татарских школах в конце 1877 г., – учительская школа вместе с училищем были переведены в Оренбург. Школа разместилась в здании бывшей школы для киргизских (казахских) детей при Оренбургской пограничной комиссии (ныне здание ул. Советская, 7) [12]. В августе – сентябре здание школы было отремонтировано по подряду оренбургскими купцами Е.И. Пухтиным и А.Г. Кузьминым на сумму 14 тыс. 992 руб. 13 коп. [8. Л.3]

В 1877 г. в школе и училище одновременно обучалось до 50 учеников башкирской и татарской национальностей. Ежегодно на содержание учительской школы и начального училища из казначейства выделялось 19 485 руб. 50 коп., из которых 2 420 руб. 35 коп. шло на содержание училища. В 1888 г. на содержание помещения школы было отпущено 4 011 руб.; на жалованье служащим – 9 898 руб. 64 коп.; на содержание воспитанников – 4 714 руб.; на учебные пособия – 147 руб. 46 коп.; на прочие расходы – 714 руб. [10. Л.11]

Зачисление в школу и в начальное училище проводилось по результатам вступительных экзаменов. В школе все предметы, кроме магометанского вероучения, преподавались на русском языке. Так как татарский язык не преподавался, считалось, что уровень грамотности на татарском языке проверялся на экзаменах вступительных. Перед обучением в школе поступающие проходили курс изучения татарского языка и магометанского вероучения в медресе [2. Л.3].

Решение о преподавании вероучения в учительской школе в г. Уфе на татарском языке было принято Министром народного просвещения 17.06.1872 г. и продолжилось и после перевода в Оренбург. Более того, попечитель учительской школы Д. Михайлов в письме к инспектору школы от 06.06.1888 г. просил распространить преподавание вероучительных дисциплин на «татарском языке и объяснением на русском на все учебные заведения

Оренбургского учебного округа» [9. Л.9 об.]. И такая практика была повсеместной в учебном округе, учитывая инородческий состав школ.

В 1877 г. инспектором Оренбургского Учебного Округа были утверждены следующие требования и программа по экзаменам для поступающих в школу [15, С.13]:

1. По русскому языку: правильное, беглое и толковое чтение книг соответствующих возрасту поступающих. Написание диктанта без грубых ошибок и практическое знание разговорной речи.

2. По арифметике: знание всей нумерации целых чисел, производство первых четырех действий над числами и умение решать начальные математические задачи.

3. Умение читать по-татарски.

В учительскую школу принимались татарские и башкирские юноши всех сословий не моложе 15 лет. При приеме в школу рекомендовалось обращать внимание на то, чтобы поступающие были уроженцами многолюдных деревень, куда они должны были быть определяемы после окончания курса обучения в школе [2. Л. 13-17.]. Экзамены проходили раз в год перед учебным годом в августе месяце. По штату в училище полагалось 10 бюджетных мест, а в учительской школе – 30. Кроме того, принимались «вольнопrixодящие» ученики за плату в 10 руб. ежегодно. Лица, обучавшиеся на бюджетной основе, жили в пансионе на полном обеспечении.

Сословный состав учащихся школы ясно виден на следующей таблице, составленной Полухиной В.И. [14. С.231]

Таблица 1. Сословный состав учащихся Оренбургской учительской татарской школы

1	Вид учебных заведений	Годы	Количество учащихся по сословиям						
			Всего учащихся	Дворяне	Разночинцы	Городские	Военные	Сельские	Прочие
	Оренбургская татарская учительская школа	1877	44	4				40	

		1878	44	4				40	
		1879	39	5				34	
		1880	42	11	5			25	1
		1881	37	12	3	1	1	19	1
2	Начальное татарское училище	1877	10					10	
		1878	10	2				8	
		1879	10					10	
		1880	10	5	1		1	3	
		1881	12	5	1		1	5	

Национальный состав школы в последний год ее существования на 1890 г. состоял из 16 татар и 10 башкир.

Учительская школа была малочисленной, о чем свидетельствует ее состав по классам.

Таблица 2

Учебные года	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
1886 – 1887	12	12	5	2
1887 – 1888	10	11	6	4
1888 – 1889	8	11	5	6

Успеваемость общая в школе составляла в 1887 г. 74%, в начальном училище – 100%.

Школа была закрытого мужского типа, учащиеся жили в пансионе при школе и носили единую форму. Жизнь школы подчинялась специальным правилам, выработанным педагогическим советом, утвержденным инспектором школы и Оренбургским учебным округом. В педагогический совет входил инспектор школы, инспектор Оренбургского учебного округа В.В. Катаринский, окружной архитектор барон Корф и четверо преподавателей из состава школы по выбору. Режим в школе был умеренно строгий. Необходимо было подчиняться распорядку школы (время учебы, подготовки к занятиям, отдыха и сна); нельзя было без разрешения инспектора уходить из школы и принимать в школе родственников. За нарушение дисциплины (курение, алкоголь, игра в азартные игры) следовало отчисление из школы. Как в школе, так и в пансионе воспитанники должны были говорить между собой только по-

русски.

Состав преподавателей в учительской школе был высокопрофессиональным. Штатный персонал на 1890 г. таков – в начальном училище было два учителя, в учительской школе – инспектор (заведующий), 8 учителей, 2 надзирателя и врач. В скобках мы приводим количество выданных преподавателем уроков в год. С 1877 г. по 01.08.1888 г. инспектором учительской школы был выпускник Казанского университета, титулярный советник Усман Юзеевич Саинов (144 урока), который сыграл значительную роль в подготовке татарских учителей в оренбургском крае. В 1888 г. его заменил в должности Михаил Михайлович Данилов, коллежский советник, выпускник Санкт-Петербургского университета, который был в школе преподавателем истории и математики (644 урока). Вероучительную дисциплину вел Мухаммед Фатах Гайнетдинов (264 урока). Русский язык – коллежский советник Сергей Павлович Галкин (516 уроков), кандидат Санкт-Петербургской академии. Арифметику, геометрию и географию коллежский советник Шагисултан Шягяхметов (840 уроков), выпускник Казанского университета. Педагогику вел статский советник Василий Яковлевич Смирнов (288 уроков), кандидат Санкт-Петербургского университета. Рисование, черчение и чистописание и он исполнял обязанности надзирателя – Михаил Никанорович Алексеев (280 уроков), выпускник Строгановского технического училища. Врачом работал статский советник Александр Филиппович Гумбург. Учителем гимнастики был Антон Макарович Дорман (216 уроков), коллежский ассессор. Надзирателем в 1888 г. был коллежский советник Г. Успенский. В начальном училище при школе трудились – Гайса Хамидуллоевич Еникеев (648 уроков), выпускник учительской школы и М.Ф. Гайнетдинов (216 уроков) [10. Л.2-3]. В начальном училище два преподавателя вели дисциплины: русский язык, арифметика и вероучение.

Учебный план, сетка часов, программы предметов, план переводных и выпускных экзаменов составлялись ежегодно на педагогическом совете школы с участием инспектора Оренбургского учебного округа.

О учебной нагрузке преподавателей и учащихся свидетельствует следующий перечень предметов в школе с количеством часов на каждый предмет в учебную неделю [3. Л.17].

Таблица 3

Предметы	Число часов в неделю			
	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
Русский язык	9	8	7	5
Методика арифметики	-	-	-	2
Геометрия	-	1	2	-
Стереометрия	-	-	-	2
Гражданская (русская) история	-	-	2	2
География	-	3	1	2
Арифметика	6	4	-	-
Естествознание (ботаника, зоология)	2	2	3	3
Физика, химия, минералогия	2	2	3	3
Дидактика и методика русского языка	-	-	3	-
Педагогика	-	-	-	2
Вероучение	9	9	9	9
Всего часов	28	29	30	30

С 1884 г. воспитанники обучались также токарному, слесарному и переплетному делу.

Учебники, используемые в школе, были такие же, что и в подобных средних учебных заведениях: «Арифметика» В.А. Евтушевского и Д. Мартынова; «Курс алгебры на общественном понятии числа» А.Н. Страннолюбского и задачник Ф. Бычкова; «Начальная геометрия» (Казань, 1875), составленная двумя текстами на русском и татарском языке, «Краткий курс геометрии и собрание геометрических задач» Вулиха, «Краткая геометрия» А. Ю. Давидова и «Планиметрия» В. Радлова; «Руководство по физике для городских училищ и учительских семинарий» А. Малинина;

«Краткий курс естествознания» Герда по химии и минералогии [6, Л.3]; «Самоучитель по татарскому языку» Вачалова (11 шт.); «Татарская хрестоматия» Кукляшева; «Татарская грамматика» (8 шт.) и «Словарь татарского языка» Троянского; «Татарская азбука» Вагилова (2 шт.); «Круг мусульманского законоведения» Вилаята (2 шт.); «Книга для чтения» Паульсона (15 шт.); «Естественная история» Михайлова (12 шт.); учебник по географии Смирнова (7 шт.); «География России» Лебедева (26 шт.); «Русская хрестоматия» Полевого в 3 ч. (7 шт.); «Синтаксис русского языка» Кирпичникова и Говорова (6 шт.). Учащиеся пользовались 6 лексиконами, 47 атласами (географическими и историческими картами); 86 моделями для рисования; 4 прописями и другими пособиями.

Учительская школа имела три библиотеки: фундаментальную, имеющую 2951 том на 1459 названий; ученическую – 1735 томов на 406 названий; ученическую для начального училища – 171 том на 52 названия [10. Л.9]. Как видно из вышеуказанных данных, учащиеся имели возможность, кроме рекомендованных по программе учебников числом 196 (201 том), пользоваться и другими книгами по выбору, а также читать периодическую литературу и энциклопедии.

Преподаватель Ш. Шагиахметов был заведующим фундаментальной библиотеки, учитель С.П. Галкин был заведующим ученической библиотеки школы и училища.

Физический кабинет и кабинет по естественной истории содержали большое количество наглядных пособий, число которых из года в год росло. На 0.1.01.1890 г. в кабинете было 184 инструмента и 211 приборов, из них, по зоологии и анатомии – 54; минералогии и физике – 148; ботанике – 9. В 1877 г., например, физических приборов имелось на сумму 1214 рублей, а наглядных пособий по естественной истории на сумму 1315 рублей [4. Л 31].

Учащиеся школы обязаны были проводить в училище пробные уроки по русскому языку и арифметике строго в соответствии с расписанием. Уроки оценивались учителями-предметниками, надзирателями, сокурсниками, а также

руководителями школы на заседаниях педагогического совета. В 1889 г. при прохождении практики в начальном училище пять воспитанников IV класса дали 25 уроков по русскому языку и 15 уроков по арифметике. Переводные устные испытания для первых трех курсов проходили с 17 по 24 апреля. Выпускные экзамены в виде устных и письменных заданий проходили с 1 по 30 мая. Трое выпускников были удостоены звания учителя начальных татарских училищ. Похвальными грамотами были удостоены в 1887 г.: дипломом 1 степени Куватов (3 кл.) и Фаткулан (1 кл.); дипломом 2 степени –Актуганов, Алимгулов и Шафигов (1 кл.); дипломом 3 степени – Ахмеров (3 кл.), Муталлапов (2 кл.) и Хайбуллин (1 кл.) [10. Л.5].

Темами для письменных сочинений в третьем классе были: Курбан байрам в деревне, Сабантуй в нашей деревне, мечеть Караван сарай в Оренбурге, случай из моей жизни, наша школа, оазис в пустыне (по произведению «Три пальмы» М.Ю. Лермонтова), влияние природы на образ жизни людей [8. Л.44]. По предложению преподавателя С.П. Галкина педагогический совет школы устраивал исторические чтения литературы в школе и объявлял праздничные (внеучебные дни). Так, в 1887 г. такие дни были: 12 октября – освобождение Москвы от французов, 30 мая – день рождения Петра Великого, 19 февраля – освобождение от крепостной зависимости крестьян.

Школа поддерживала тесную связь со всеми учителями начальных инородческих училищ работающих в селах, многие из которых были выпускниками школы. Ежегодно в школе проводились педагогические курсы на двадцать человек – учителей русско-татарских начальных училищ и русских классов при медресе. Обычно такие курсы действовали в августе – сентябре перед новым учебным годом в течение одного или 1,5 месяцев. Из казначейства выделялось на обеспечение учительских курсов 100 руб. и 50 руб. каждому слушателю. Вели занятия на этих курсах при учительской школе по программам, утвержденным попечителем Оренбургского учебного округа, опытные преподаватели: Ш. Шагиахметов, окончивший Казанский

университет, и Гайса Еникеев, окончивший эту школу с отличием, а также заведующий начальным училищем.

Каждый слушатель обязан был представить отчет о своей педагогической деятельности и провести пробный урок [11. Л.7]. Программа занятий на курсах постоянно обновлялась и была довольно обширна. Внимание руководителей курсов было обращено как на ознакомление учителей с новейшими приемами методов начального обучения, так и особенно на повторение ими всего учебного курса учительской школы. Поэтому занятия на курсах были распределены так, что два часа в день посвящались на уроки по предметам курса учительской школы, а один час – на практические занятия учителей в начальном училище.

Программа курсов примерно была следующая:

1. Краткие сведения по методике русского языка и арифметики в русских и татарских школах.
2. Повторение курса русской грамматики и ознакомление с более употребительными руководствами с учебными пособиями по этому предмету.
3. Повторение курса русской истории, географии, естествознания и физики [16. С. 492-493.].

Слушатели курсов в течение первых двух недель посещали уроки в начальном училище и практиковались давать уроки, которые затем подробно разбирались. Оставшееся время использовалось на повторительный курс по вышеуказанной программе.

Школа находилась под постоянным наблюдением инспектора народных татарских и башкирских училищ В.В. Катаринского, автора «Башкирско-русского словаря» (Оренбург, 1899), который был председателем выпускной экзаменационной комиссии в школе. Часто посещали школу и педагогические курсы попечителя Оренбургского Учебного Округа: В.Н. Даль – в 1882 г., П.А. Лавровский – в 1874 г., Х.П. Сакский – в 1882 г., директор народных училищ Оренбургской губернии И.Я. Посяда – в 1888 г., окружные инспекторы: К. А. Чехович – в 1888 г., В. Радлов – в 1874 г., Н. П. Великанов, М. М.

Владимирский и другие [5].

По окончании школы выпускники сдавали в мае итоговые экзамены по русскому языку и арифметике в устной и письменной форме в присутствии членов Педагогического совета школы. Успешно выдержавшие экзамены получали свидетельства на звание учителя татарских начальных училищ.

В 1886 г. 1 мая на письменном испытании на выпускном экзамене по русскому языку было задано сочинение на тему «выдающаяся личность Петра Великого». По арифметике 9 мая была задана вполне неординарная задача: «Из двух городов на встречу друг другу идут два поезда, из которых один все расстояние между этими городами прошел бы во столько часов, за сколько месяцев до срока уплачено по вексялям в 4000 руб., 3825 руб., при учете его по 5, 8333%. Другой же поезд расстояние прошел бы во столько часов, сколько лотов меди надо прибавить к 3 фунтам серебра 84 пробы для того, чтобы получить серебро 72 пробы. Определить расстояние между этими городами, если известно, что число верст, проходимых в один час первым поездом на столько больше числа верст, проходимых вторым, на сколько число фунтов муки по 6 копеек за фунт больше числа фунтов муки по 3 копейки за фунт, смешанной с первым для образования 0,75 пуда смеси по 5 копеек за фунт» [8. Л.31].

После окончания курса школы выпускник обязан был прослужить не менее шести лет в ведомстве Министерства народного просвещения. Воспитанники, пробывшие в одном классе два года и не доказавшие удовлетворительных успехов для перехода в следующий, увольнялись из учебного заведения и обязаны были возратить средства, затраченные на их обучение (около 90 рублей в год). Школа выпустила за 18 лет своего существования 88 учителей начальных татарских училищ [7, Л.8]. Выпускники, работавшие в школах, освобождались от воинской службы и натуральных повинностей, отработавшим не менее 12 лет присваивалось звание почетного гражданина.

По распоряжению Министерства народного просвещения от 27.07.1889 г.

было определено прекратить прием новых учеников в учительскую школу. Эта мера была связана с малочисленностью ее учащихся и малой востребованности ее выпускников. С 01.07.1890 г. школа с начальным училищем были закрыты, а их здания и другое имущество переданы Оренбургской киргизской учительской школе. Для продолжения образования ее воспитанники были переведены в Казанскую татарскую учительскую школу и Красноуфимскую сельскохозяйственную школу [1. Л.8]. В газете «Оренбургский листок» [13. Л.2] по поводу закрытия школы говорилось, что «...в первое время после открытия учительских школ Министерства народного просвещения действительно открывало на свои средства одноклассные инородческие для татар училища, как в городах, так и в селениях: но вот уже несколько лет, как оканчивающие в учительской школе курс молодые люди не получают мест учителей начальных училищ. Министерство с 1885 г. не открывало ни одной школы для татар, отклоняя ходатайства инспекции татарских школ и мотивируя отказ затруднительностью положения государственного казначейства».

Выпускники татарских учительских школ не могли поступать в высшие учебные заведения, так как согласно Положению в течение шести первых лет после окончания школы они обязаны были работать учителями.

Еще одной причиной закрытия Оренбургской татарской учительской школы стало то, что политики русификации таким путем Министерству просвещения достигнуть не удалось. Это также видно из слов попечителя школы, что она не оправдала, «как показал опыт шестнадцатилетнего ее существования, возлагавшихся на нее надежд способствовать распространению между татарами мусульманами образования в русском духе и сблизить их с русской народностью» [11. Л.8].

Несмотря на непродолжительное время существования, Оренбургская татарская учительская школа подготовила хороших педагогов из татар и башкир, сыгравших впоследствии значительную роль в деле просвещения татарского и башкирского населения. Из ярких учителей, выпускников школы можно отметить следующих: Ибатулла Фахретдинович Еникеев (1883 г.

выпуска), более 30 лет учил в школе в уфимской Каргале, из которой вышло более 400 учеников; Г. Гадрачев (1878 г. выпуска), учитель в Кишкинском русском классе Уфимского уезда; Гадельгарей Кудашев (1878 г. выпуска), учитель в русских классах в Бузулуке и Троицке Оренбургской губернии; Л.К. Абдулгазизов, Ш.З. Махмутов, Лутфулла Габдельгазизов и другие. Известны фамилии выпускников 1885 г.: Муртазин, Байрамгулов, Чанышев, Субхангулов, Гадальшин [25]. В 1886 г. школу окончили Абдул Кадыров, Абдуллов, ахмеров, Дашкин, Ибрагимов, Куватов, Салимов. В 1887 г. – Абдуллов, Актуганов, Алимгулов, Ишмухаметов, Муталлапов, Резяпов, Умитбаев, Утямов.

Таким образом, краткая история Оренбургской татарской учительской школы является яркой страничкой становления педагогической системы мусульманского образования в Оренбургском крае. Выпускники школы создали целую сеть татарских училищ в губернии и выпустили из своих заведений тысячи учащихся. Учительская школа выполнила свою задачу по подготовке учителей для инородческих школ и подъему их образовательного уровня. Ежегодные курсы повышения квалификации учителей показывали высокий образовательный уровень учителей, вкладывавших всю свою душу в дело народного просвещения.

Библиографический список

1. Государственный Архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 264. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
2. ГАОО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 13 – 17.
3. ГАОО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 10. Л.17.
4. ГАОО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.
5. ГАОО. Ф. 264. Оп.1. Д. 38,49,65,72,81,91,108,112,128.
6. ГАОО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 49. Л. 3.
7. ГАОО. Ф. 264. Оп.1. Д. 55. Л. 8.
8. ГАОО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 105. Л. 3, Л. 31, Л. 32, Л. 44.
9. ГАОО. Ф. 264. Оп.1. Д.120. Л.9об.
10. ГАОО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 128. Л. 2 – 3, 5, 9, 11
11. ГАОО. Ф. 264. Оп.1. Д.132. Л. 7 – 8.
12. Денисов Д.Н. Оренбургская татарская учительская школа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://interpretive.ru/termin/orenburgskaja-tatarskaja-uchitelskaja-shkola.html>
13. Оренбургский листок. – № 42. – 15.10.1889. – Л.2.

14. Полухина В.И. Иностранческие учебные заведения по подготовке учителей в Оренбургской губернии во второй половине XIX – нач. XX в. // Сибирский педагогический журнал. – Новосибирск. – 2009. – №3. – С. 231.
15. Рахимкулова М.Ф. Преподавание естественных наук в татарских школах дореволюционной России. – Оренбург, 1998. С. 13.
16. Циркуляры по Оренбургскому учебному округу. – № 1, 2. – 1881. – С. 492 – 493.

Научное издание

Научный вклад культуры и искусства в развитие современного общества

Сборник научных трудов по материалам
I Международной научно-практической конференции

14 ноября 2017 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Формат 60x84/16. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru